

НЕ УКРАДИ

(Речь на митинге "Общества борьбы с бедностью" 8 мая 1887 г.)

Д-р МакГлин в прошлое воскресенье вечером назвал первое публичное собрание «Общества борьбы с бедностью» историческим событием. На мой взгляд, он был прав. В том факте, что служитель Христа, обращаясь к огромному собранию, состоявшему из мужчин и женщин всевозможных вероисповеданий, призывал всех и каждого к участию в новом крестовом походе, имеющем целью уничтожение бедности, — призывал соединиться и работать совместно над установлением Царства Божие на земле, — в том факте, действительно, нельзя не видеть событие первостепенной важности. Великие общественные преобразования, говорил Мадзини, всегда были и будут лишь следствием великих религиозных движений. И день, в который демократия возвысится до положение религиозной партии, всегда будет началом ее побед. Глубокий смысл собрания, состоявшегося в прошлое воскресенье, как и смысл существование самого «Общества борьбы с бедностью», заключается именно в том, что они должны внести в конце-концов религиозное чувство в борьбу, которую всегда ведет демократия, — то чувство, которое одно только может обновить мир.

Не лишены интереса отзывы печати, относящиеся к этому собранию и к учреждению самого общества. Утверждают, во-первых, что мы не можем уничтожить бедности, потому что негде взять достаточно для всех богатства. Если бы все богатство Соединенных Штатов разделено было между всеми жителями их, то все же на каждого из них пришлось бы не более каких-нибудь восьмисот долларов. Но если это верно, то тем более чудовищной должна казаться нам несправедливость, благодаря которой отдельные лица владеют в настоящее время миллионами, десятками миллионов и даже сотнями миллионов долларов. Если и на самом деле на каждого из жителей нашей страны пришлось бы так мало, то тем большей несправедливостью должны представляться все эти огромные состояния. Однако мы предлагаем уничтожить бедность не столько путем раздела того богатства, какое существует в настоящее время, сколько путем создание нового богатства. Мы предлагаем уничтожить бедность, поставив к работе целую армию людей, исчисляемую в

одной только нашей стране приблизительно в миллион человек, — целую армию людей, желающих создавать богатство, по лишенных всякой возможности к тому из-за права, которым дозволяется теперь монополизировать Божью благодать.

Затем в печати утверждают, что мы не можем уничтожить бедности, потому что бедность всегда существовала. Но если бедность существовала, то, значит, тем больше есть нужды в нашей борьбе из-за ее уничтожения. Она существует с давнего времени, она нам надоела—так постараемся отделаться от нее поскорей. Однако я отвергаю, чтобы бедность, такая, какую мы видим в настоящее время, всегда существовала, ибо никогда еще в истории мира не было времени, когда имелось бы такое изобилие богатства и столько сил, способных его производить. Факт этот настолько бросается в глаза, что те самые люди, которые говорят нам, будто мы не можем уничтожить бедности, почти тотчас же вслед за этим обыкновенно доказывают, что причина бедности кроется в перепроизводстве. Слишком-то уж много производит человечество богатства: вот будто бы почему так много бедняков; слишком- то уж много произведено разных предметов, пригодных для удовлетворение человеческих желаний: вот будто бы почему мужчины не могут найти для себя работы и женщины чахнут и надрыдают свои силы. Мир не знал еще бедности, которую можно бы было приписать перепроизводству, бедности посреди просвещения, бедности, которая увеличивалась бы одновременно с призыванием на служение людям могучих сил природы, пара, электричества, и с целым рядом берегающих труд изобретений. Более, чем когда-либо, ясно теперь, что нет и не может быть оправданий для существования бедности в наше время и что наш долг позаботиться об ее уничтожении.

У нас есть не мало благотворительных учреждений разного рода. Конечно, их недостаточно для того, чтобы покрыть весь спрос на них, но их вполне достаточно для того, чтобы убедить каждого мыслящего человека в полной невозможности уничтожить бедность путем благотворительности; их вполне достаточно для того, чтобы показать всем людям, привыкшим вдумываться в причины явлений, что для уничтожение бедности нужна не благотворительность, а справедливость, согласование человеческих учреждений с вечными законами правды. Однако, когда мы предлагаем соответственные меры, когда мы указываем на нарушение Божьих законов, как на

причину бедности, нам заявляют обыкновенно насмешливо, что мы, видно, знаем более, чем сколько вообще могут знать люди о намерениях Всемогущего Существа. Бог, которого создали для себя некоторые лица, относится скорее благосклонно к бедности, так как она предоставляет богачам случай проявить свою доброту и милосердие, и эти лица, естественно, видят волю Божию на то, чтобы существовала бедность. Мы возразим им однако, что бедность существует не по воле Бога, а по нашей вине: из-за нашего неповиновения Богу. Воля Божия такова, чтобы бедности не существовало на земле, и мы знаем это так верно, как только вообще можем что-либо знать. Законы вселенной суть законы Бога: все они одинаково установлены им, как те, которые проявляются в человеческом обществе, так и те, которые проявляются в области физических явлений. И мы знаем, что он, Творец всего существующего, для всех одинаково дал простор, для всех дал работу, для всех изобилие. Но вот местами оказывается на земле так тесно, что кажется, будто уж слишком уж много родится народу; тысячи людей, желающих трудиться, не могут найти применение для своих сил; заработная плата падает до нищенского размера из-за конкуренции между трудящимися, и среди изобилия богатства, в самых центрах нашей цивилизации, человеческие существа живут жизнью, сравнительно с которой покажется счастливой жизнь последнего дикаря. Но что же? Вина ли в том скупость Творца? Конечно, нет. Причина тому наша несправедливость, несоответствие наших законов с предписанием поступать с другими так, как мы желали бы, чтобы поступали с нами.

«Общество борьбы с бедностью» не имеет никакого запатентованного средства против бедности. И мы отнюдь не предлагаем чего-либо нового. Мы предлагаем только провести в закон основной принцип христианской нравственности, — не делай другому того, чего не желал бы себе, — признав за каждым человеком его законные права. И мы предлагаем начать с признания за каждым чадом Божиим, здесь в нашей стране, приходящим в мир, его полной и равной доли в нашем общем наследии.

Людям тесно на земле! Да есть ли что удивительного в том, что люди скопляются местами в огромном количестве, как это мы видим хотя бы в Нью-Йорке, когда в других местах некоторые лица захватывают себе столько земли, сколько они никогда не в состоянии

будут использовать, и сдают ее в аренду за огромные деньги? Что было бы с нами, если бы в этой зале первые приходящие сюда лица захватывали все места, ближайшие к их стульям, и требовали за них платы с других лиц, являющихся сюда по равному с ними праву? Однако как раз то же самое делается у нас с землей нашей страны. Вот почему мы видим людей, скопляющихся во множестве в отвратительных наемных квартирах; вот почему бывает так трудно достать работы; вот почему оказывается всегда, даже в лучшие времена, избыток рабочих, а при застое в делах—тысячи и сотни тысяч людей бродят по нашей стране из города в город, нигде не находя для себя работы.

Мало работы! Но что такое работа? Работа в производстве означает собой не что иное, как преобразование сырого материала, заготовленного для нас Создателем, в формы, приспособленные для удовлетворение человеческих желаний. А разве есть недостаток в этом материале в нашей стране? Предположите, что в то время, когда тысячи людей остаются у нас без работы и всюду чувствуется спад в деловой активности, мы принесли бы жалобу Небесному Судье на страдание и бедность народа, возникающие из недостатка в работе. Он мог бы лишь спросить нас в ответ: «Разве вся ваша земля обрабатывается вами? Разве все разрабатываются рудники? Разве нет у вас больше места для приложении труда?» О чем бы мы стали просить Создателя, чего бы не было у нас уже в изобилии? Он дал нам землю, наполненную сырыми материалами, потребными для удовлетворение наших нужд. Он дал нам способность обрабатывать эти сырые материалы. Если же оказывается в чем-либо недостаток, если чувствуется нужда, если люди не могут найти для себя занятие и умирают с голода посреди изобилия, то происходит это разве не оттого, что богатства, предназначенные Создателем для пользование всех людей, сделаны собственностью только некоторых лиц?

Выступая против чудовищной неправды, лишаящей рабочего возможности прилагать свой труд к естественным удобствам, мы выступаем против основной причины бедности. Мы желаем уничтожить ее, вырвать с корнем, дав каждому человеку простой и легкий доступ к труду. Мы отнюдь не восстаем против истинного права собственности. Мы его считаем священным и готовы всюду отстаивать его, — то право собственности, которое по справедливости прилагается к предметам, произведенным трудом, то право

собственности, которое делает моим все то, что я произвожу, предоставляя мне полную свободу дарить это, продавать, оставлять в наследство или пускать в какое мне заблагорассудится употребление, лишь бы при этом я не причинял вреда другим людям. Мы признаем это право собственности и готовы провозгласить его пред всем миром. Дом ли, пиджак ли, книга ли, всякий предмет, произведенный трудом, всегда имеет на себе отпечаток этого права, налагаемый на него его производителем. В этом основа истинного священного права собственности. Оно опирается на право человека пользоваться своими силами, на его право располагать плодами своего труда. Но где основа права собственности на землю? Где тот человек, который произвел ее и сделался чрез это ее первым собственником? Участки земли под постройками в городе, поля, засеянные хлебом, угольные или газовые месторождения не разделялись Творцом вселенной между их прежними или теперешними собственниками, и мы с полным основанием можем утверждать, что земля предназначалась Им для всех людей.

И естественная религия и религия откровения одинаково учат нас тому, что Бог не обращает внимание на лица; что земля не создавалась Им лишь для некоторых из людей; что Он не давал ее в обладание одному какому-либо поколению предпочтительно пред другими. И естественная и откровенная религия одинаково учат нас тому, что Бог создал землю для всех людей, чтобы каждый из нас, приходя в мир по воле Провидения, мог пользоваться ею в течение всей своей жизни; а раз это так, то, значит, ребенок, рождающийся сегодня вечером в вонючей комнате грязной наемной квартиры в Нью-Йорке, имеет на землю этого города столько же права, сколько любой из наших богачей.

Откуда же мы знаем, что по воле Всемогущего не должно быть бедности? Откуда знаем мы, что ее существование противоречит велением Творца? Мы знаем это из Его заповеди "не укради". И мы уверенно говорим, что бедность, существующая теперь посреди изобилующего богатства, есть следствие системы, узаконивающей кражу.

Вот женщина, склонившись над иглой или швейной машиной, работает по тринадцать, четырнадцать, шестнадцать часов в сутки; вот вдова, выбивающаяся из сил, чтобы прокормить сирот, лишенных

своего естественного кормильца; вот дети, вырастающие в грязи и нищете, полураздетые, полуголодные, беспризорные, для которых в этом городе нет места, даже чтобы поиграть, вырастающие в условиях, в которых они могут остаться чистыми только лишь благодаря чуду, наперед присужденные к тюрьмам и домам терпимости; все эти люди страдают, мучаются и умирают именно потому, что мы позволяем грабить их, попираем их природное право, лишая их того наследства, на которое в праве рассчитывать всякий человек, вступающий в мир. Для жизни их заготовлено средств в избытке. Не будь отнято у них равное право на богатство, припасенное Творцом, и молодые девушки не занимались бы не женским трудом ради одного пропитания; несчастные вдовы не кидались бы в омут жизненной борьбы ради того, чтобы достать хлеба своим детям, и мы не видели бы более той грязи и нищеты, которые так бросаются в глаза в наших больших городах и которые, очевидно, растут вместе с ростом нашей цивилизации.

Все явление такого рода суть результат узаконенной неправды, плоды пренебрежения к той заповеди, которой запрещается красть. Каким же образом эта великая заповедь трактуется сегодня, даже теми, кто якобы проповедует Евангелие? "Не укради". Если их послушать, то это означает: «Не попади в тюрьму». И не на много более этого вы услышите от кого бы то ни было. Вы можете красть, при условии, что вы крадете достаточно большие суммы, и если вы не попадетесь, то вам обеспеченно лучшие места в церквях. Не крадите несколько долларов — это может быть опасно, но если вы украли несколько миллионов, то вы становитесь одним из наших первых граждан «Не укради» - это закон Бога. Что он означает? Он означает, не только то, чтобы не залезать в чужие карманы! Он означает, не только то, чтобы не взламывать двери и обирать на большой дороге. Он определенно значит то (если он вообще имеет смысл), чтобы не брать того, на что не имеешь права, вредя тем самым другим людям.

Представим, что мы в пустыни. По ней тянется караван. Шайка разбойников видит его и некоторые из них говорят: «Это богатый караван. Пойдем, нападём на него, убьем, если нужно, людей, заберем их товары, верблюдов и лошадей, и исчезнем». Но один из них заявляет: «Нет, это опасно. Лучше пойдем вперед к источнику, к единственному источнику, без которого караван должен погибнуть от жажды. Окружим его стеной, назовем его нашим, и когда подойдет

караван, будем отказывать ему в воде до тех пор, пока он не отдаст нам всех своих товаров». Поступить так, конечно, значило бы поступить благороднее, вежливее и благопристойнее; но разве это не значило бы то же самое — совершить грабеж?

И разве не грабеж такого же рода совершается всюду, где некоторые люди, опережая продвижение населения, захватывают землю, которой сами они не пользуются, и ждут прихода людей, желающих пользоваться ею, чтобы брать с них за то огромную плату? Разве не на этом грабеже основано благоденствие наших наиболее почитаемых сограждан? Поступайте так, соблюдая ложный нравственный кодекс нашего времени, и люди станут хвалить вашу предусмотрительность и предприимчивость; кругом вас станут говорить, что вы нажили состояние, потому что вы деловой человек, как всякий может нажить себе состояние, кто хочет работать и любит труд! Однако разве нами не будет при этом нарушена заповедь «не укради» — совершенно так же, как если бы вы стали лазить в чужие карманы?

«Не укради». Это значит, конечно, что мы сами не должны красть. Но это значит также и то, что мы не должны допускать, чтобы страдали другие от кражи, если мы можем им помочь. «Не укради». Разве не значит это также: «не допускай, чтобы грабили тебя или других»? А если так, то каждый из нас, богатый ли, бедный ли, одинаково ответственен за общественное преступление, порождающее бедность. Виноваты не только те люди, которые монополизируют землю, виноваты также и те, которые принимают участие в краже, позволяя ее монополизировать. Христианство, которое не хочет знать такой ответственности, в сущности, забывает учение Христа. Он, говоря о суде, не спрашивает человека: «Возносил ли ты мне хваления?» «Молился ли ты мне?» «Верил ли ты тому-то и тому-то?» Он спрашивает только: «Что делал ты, чтобы облегчить страдания, чтобы уничтожить бедность на земле?» К осужденным судья обращается со словами: «Я был голоден, и вы не дали мне есть; я жаждал, и вы не напоили меня; был болен и в темнице, и вы не посетили меня». Те говорят ему: «Господи, когда же мы не сделали тебе этого?» И он отвечает им: «Так как вы не сделали этого одному из сих братьев моих меньших, то не сделали мне». И говорит он благословенным: «Я был голоден, и вы дали мне есть; я жаждал — вы напоили меня, был наг — вы одели меня, был болен и в тюрьме, и вы

посетили меня!» А когда те спрашивают его: «Господи, когда же мы делали тебе это», он отвечает им: «Так как вы сделали это одному из сих меньших братьев моих, то вы сделали это мне».

В словах этих выражается весь дух христианского учения. Сущность его состоит не в предписании: «заботься о теле своем и о спасении своей души», а в принципе: «старайся улучшить этот мир ради всех людей». Христианство явилось как протест против учения «каждый для себя — спасайся, кто может». Оно было провозглашением Бога отцом всех людей, а людей — братьями. И именно потому богатые и знатные, первосвященники и правители преследовали его огнем и мечом. Оно не было таким, каким представляют его себе многие из наших церквей, говоря о религии, которую пытался искоренить языческий Рим. Большинство теперешних церквей назвало бы его «социализмом» и «коммунизмом», ибо оно было не чем иным, как провозглашением равенства человеческих прав.

Представим себе, что мы и наши современники, мужчины и женщины, предстали бы на страшный суд и увидели бы души тех, которые в наше время при этой проклятой общественной системе дошли до преступлений, — души тех, которые голодали и телом и духом, — души тех малых детей, которые здесь, в одном Нью-Йорке, сметаются с лица земли тысячами, когда они едва только вступают в мир, ибо у них не оказывается достаточно пищи, воздуха, света и они скучиваются в грязных кварталах города, где невозможна борьба с болезнями. Представим себе, что нам были бы показаны души этих людей; какую цену имело бы наше оправдание, будто мы лично не были ответственны за те условия, в каких они жили на земле? Что должны бы мы были, согласно евангельской притче, услышать в ответ на наше оправдание, как не эти слова: «Я позаботился о всех них. Я дал им землю, на которой всем было бы достаточно простора. Я заготовил в ней материалов несравненно больше, чем сколько требуется для удовлетворения всех их нужд. Поднимали ли, или нет, вы свой голос против той неправды, которая лишала их законной доли в богатствах, заготовленных мною для всех?»

«Не укради!» А что, как не грабеж, является среди нас причиной бедности, болезней, порока и преступлений? И кража эта оправдывается законами, которые мы поддерживаем. Кто не

возвышает против этой кражи своего голоса, тот есть соучастник в ней. Знамя поднято; наконец-таки начат новый крестовый поход. Кто-то из нас, многие из нас, поклялись в душе потратить всю свою жизнь и все свои силы на то, чтобы раскрыть и уничтожить неправду. Мы объявили ей войну. Кто не с нами, тот пусть считается идущим против вас. Не будем колебаться, отбросим полумеры и не отступим до тех пор, пока не добьемся своего.

Бедности не должно быть в нашем мире и при нашей цивилизации. Существует запас, созданный законами Творца, которого было бы достаточно для снабжение продовольствием всех нуждающихся, которого было бы достаточно и даже более, чем достаточно, для удовлетворение всех общественных надобностей. И малые дети, умирающие в наших трущобах из-за недостатка в просторе и свежем воздухе, представляют из себя, в сущности, обобранных наследников великого богатства.

Представляли ли вы себе когда-либо все значение того замечательного факта, что прогресс вообще, развитие цивилизации и рост народонаселение всегда сопутствуется ростом земельных ценностей. Факт этот пользуется особенным вниманием спекулянтов всюду в нашей стране. Ожидается ли где приход новых поселенцев, встречаются ли где железнодорожные линии, разрастается ли город, открываются ли новые доказательства благодати Творца в виде богатых каменноугольных копей, железных рудников, нефтяных или газовых залежей, — и спекулянты уже тут как тут: ценность земли растет, начинается массовая продажа и перепродажа земель, множество людей наживает себе огромные состояния, не создав ни гроша сколько-нибудь производительным трудом.

Однако ведь не иначе, как в силу естественного закона, увеличивается ценность земли вместе с ростом народонаселение и развитием изобретений; ведь в силу естественного закона открытие каждого нового доказательства благодати Создателя в виде тех богатств, которые заготовлены были Им для нас в недрах земли, ведет именно к повышению ценности земли, а не чего-либо другого. И естественный закон этот является, конечно, таким же законом Творца, как и закон тяготения. Какая же цель имелась в виду при его установлении? Не та ли, чтобы дать средства для удовлетворение общественных нужд? Растет общество, увеличиваются его нужды, и

вместе с тем все сильнее и сильнее растет ценность земель. Не ясно ли, что в ней имеем мы фонд, принадлежащий всему обществу и предназначенный того, чтобы оказывать поддержку вдовам, сиротам и всем, кто может в ней нуждаться, чтобы доставлять средства на народное образование, на покрытие общественных расходов и на все те затраты в целях общественного блага, которые становятся все более и более необходимыми вместе с развитием цивилизации?

В настоящее время ценность земли в Нью-Йорке так велика, что ежегодный доход с нее превышает 100 миллионов долларов. Кому обязана она своим возникновением и ростом? Землевладельцам ли, которые сюда явились, или всему населению города, который сделался центром торговли для значительной части материка?

Разве не увеличивает эту ценность земли каждый новый ребенок, рождающийся здесь, и каждый приходящий сюда поселенец? И разве не в праве они, в виду этого, рассчитывать на некоторую долю в общей прибыли? Разве не причиняют им обиду, когда делают эту прибыль достоянием немногих избранных, отнимая ее у общества?

Мы могли бы употреблять этот фонд на покрытие наших общественных расходов. Пользуясь им, мы могли бы сделать наш город просторным, чистым, здоровым и красивым, — разбить повсюду общественные парки, уничтожить грязные съемные квартиры, передать в ведение города все средства сообщения и ввести бесплатное пользование окрестными железными дорогами по тому примеру, как пользуются теперь лифтами жильцы многоэтажных домов. Пользуясь этим фондом, мы могли бы устроить обширные музеи, публичные библиотеки, места для игр и общественных собраний, не ожидая порывов щедрости от богатых сограждан. Мы могли бы из этого фонда доставлять средства пропитание для вдов и сирот, и не как унизительную милостыню, а как по праву принадлежащую им часть в общем великом наследии. И мы могли бы делать все это, не только не взваливая новых налогов на производителей, не только не ущемляя истинные права собственности, но даже охраняя в несравненно большей, чем теперь, степени право собственности и отменяя налоги, которые подавляют в настоящее время производство. Что нам нужно — это то, чтобы уничтожены были все налоги на предметы, производимые человеческим трудом; чтобы отменены были все поборы с людей,

которые строят дома, накапливают богатство, привозят товары из чужих стран, или производят их тут на месте, и чтобы все налоги возложены были на ценность земли, чтобы собирался в пользу общества этот огромный доход, который создается ростом общества.

Д-р Налти, епископ мизский, говорил в послании духовенству и мирянам своей епархии, что фонд этот, заготовленный Творцом в виде ценности земли, возрастающий вместе с ростом, народонаселение, представляется ему одним из прекраснейших общественных установлений, а я вижу в нем самое ясное доказательство благодати и мудрости Бога, ибо при соблюдении закона равной свободы цивилизация в своем развитии, благодаря такому запасу, должна вести не к чудовищному неравенству, как теперь, а к самому полному равенству. Далее этот добрый католический епископ в своем послании говорит: «Земля каждой страны есть. общая собственность население этой страны, ибо она предназначена для него ее единственным собственником, Творцом, который создал ее. «Землю же даде сыновом человеческим». Так как каждый житель всякой страны есть создание и чадо Божие и так как все создание Божии равны перед лицом Его, то всякий захват земли в стране, при котором самый смиренный житель этой страны лишился бы своей доли в общем наследии, должен представлять из себя не только несправедливость или обиду в отношении этого жителя, но также нечестивое противление благим намерениям его Творца». Затем епископ Налти доказывает, что путь, каким может быть обеспечено равное право людей на землю, состоит не в разделе ее на равные куски, а в отобрании в пользу всего народа ценности, возникающей в земле. Именно этому пути предлагает следовать и наше общество. Мне хочется верить, что нью-йоркская печать поймет и поддержит нас. Мы не предлагаем раздела земли, мы предлагаем разделить между всеми членами общества ренту, получаемую с земли; а это очень нетрудное дело.

Нам нет никакой надобности лишать кого-либо его владений, препятствовать постройкам или сооружениям. Нам нужно лишь сложить налоги со всех улучшений в земле или на земле, со всех форм богатства и установить налог на ценность земли независимо от улучшений, так, чтобы люди, удерживающие в своем владении участки порожней земли, должны бы были платить с них столько же, сколько платилось бы и с застроенных участков. Таким путем всю землю нашего города мы сделали как бы поместьем, принадлежащим

всему его населению. И как благодаря доходу с сравнительно небольшого участка земли в Нью-Йорке, на остров Стэйтн, например, удалось создать прекрасное благотворительное учреждение для матросов «Тихая гавань», так и весь Нью-Йорк может превратиться в такую же «тихую гавань», но только уже для всех своих жителей.

Население Нью-Йорка могло бы управлять своим владением совершенно так же, как управляют своими владениями корпорации или отдельные лица. И вместе с тем, чтобы пользоваться им, как своею собственностью, ему не нужно бы было впутываться в разного рода владельческие права. Для него не было бы надобности заявлять каждому из землевладельцев, что «такой-то участок более не твой, а мой». Мы можем оставить все существующие права в том виде, в каком они существуют. Мы можем предоставить землевладельцам по-прежнему называть себя собственниками земли; нам нужна лишь рента с земли, ежегодный доход с нее. Заметьте это: нам нужен по доход, созданный собственниками и зависящий от сооружений или улучшений, а просто тот доход, который получается с голой земли в силу того факта, что она находится в известном месте, — доход, который приносит земля вследствие роста общества. И когда мы возьмем этот доход, тогда пропадет всякая охота монополизировать землю, тогда те почтенные господа, которые удерживают теперь около половины поверхности, занятой Нью-Йорком, вне всякого употребления, найдут налог на землю слишком высоким для себя и постараются или застроить свою землю или продать ее тому, кто пожелает строиться, хотя бы по чисто номинальной цене.

И так по всей стране. Отправьтесь в Пенсильванию, и вы увидите там огромные пространства земли, содержащей в себе неисчерпаемые запасы самого лучшего каменного угля. Земля эта принадлежит разным лицам и корпорациям, и каменного угля добывается там сравнительно ничтожное количество. Простые американские граждане, занимающиеся добычей каменного угля, не могут даже и мечтать о том, чтобы снять там в аренду какой-либо участок земли, не говоря уже о том, чтобы купить его. Они могут жить лишь в домах, построенных собственниками, да и в них им позволяется жить лишь на условии (которое предписывается им) очистить свои квартиры в пятидневный срок по уведомлению, которое может быть получено в любой момент. Компании, занимающиеся добычей угля, находятся в вговоре и продают уголь по искусственно дорогой цене, поддерживая

искусственно малый спрос на рабочую силу. Почему бы, спрашивается, этим рабочим самим не разрабатывать копей и не употреблять на это все свое рабочее время, которое теперь занято лишь наполовину? Кем заготовлен уголь? Ответ один — Богом. Для кого он заготовлен? Всякий ребенок скажет на это, что Бог заготовил его для людей, которые должны были явиться на землю. Однако законы Пенсильвании, как и законы Нью-Йорка, решают, что Бог заготовил его для некоторых корпораций и индивидуумов, и потому позволяют немногим лицам лишать работы шахтеров и поднимать искусственно цену на уголь.

Несколько недель тому назад, путешествуя по Иллинойсу, я разговорился в вагоне с рабочим, который сел в поезд в одном из шахтерских городов. Он отправлялся в другое место, надеясь найти там работу. Он рассказал мне об условиях, в каких живут шахтеры, об их малой зарплате, едва дающей возможность существовать, и о сокращении до половины против нормы числа рабочих часов. «Но ведь в земле,— заметил я ему, — видимо-невидимо угля; что бы вам самим заняться его добыванием?» Он отвечал мне: «Мы устроили было кооперативное товарищество и вступили в переговоры с собственником земли относительно платы, за какую он дозволил бы нам вырыть шахту и добывать уголь. Тот назначил нам \$7500 в год. Такой суммы мы не могли собрать». Будь земля обложена налогом в размере всей ренты или в размере дохода какой она может приносить, разве могли бы тогда монополисты не допустить этих людей до разработки угля? Будь открыта для каждого рабочего, желающего трудиться, возможность сделаться своим собственным хозяином, разве могла бы тогда численность безработного люда подняться в Соединенных Штатах до цифры одного миллиона или хотя бы одной тысячи человек?

Отношение хозяина и работника есть целиком дело удобства. Оно отнюдь не представляет из себя чего-либо непосредственно вытекающего из естественного порядка явлений. По самой природе своей каждый человек обладает способностью сам пользоваться своими силами, и люди сами прилагают к делу свои силы всюду, где не отрезаны от них природные ресурсы. Ни у одного человека нет естественного права на то, чтобы для него трудились другие люди, но каждый из нас имеет естественное, неотчуждаемое, Богом данное право требовать для себя возможности трудиться. Всяду, где будет

признано это право, всюду, где для людей, желающих трудиться, открыт будет доступ к природным ресурсам, конкуренция между хозяевами, ищущими рабочих, будет так же сильна, как конкуренция между рабочими, ищущими работы, и заработная плата повысится во всех занятиях до своего истинного размера, до полного честного вознаграждения трудящихся. Тогда, при помощи непрерывно возрастающего общественного фонда, бедность будет уничтожена, а немного спустя мы будем говорить о ней так же, как начинают говорить теперь о рабстве, как о наследии темных невежественных времен.

Право собственности на чужую плоть и кровь защищалось некогда совершенно так же, как теперь защищается право частной собственности на землю; что и на людей, восстававших против личного рабства, возводились некогда те же самые обвинения, какие возводятся теперь на людей, стремящихся уничтожить промышленное рабство. Служители церкви и ее богатые прихожане, признавали возмутителем, даже богохульником всякого священника, который осмеливался провозглашать истину Божию, что никогда не было и никогда не может быть законного права собственности на человеческую плоть и кровь.

Так же и теперь признают за проповедников грабежа тех, которые протестуют против системы, представляющей из себя лишь иную форму рабства. Заповедь «Не укради» понимается многими, как предписание не возражать против кражи. Когда мы предлагаем вернуть себе свою собственность, когда мы предлагаем обеспечить за каждым ребенком, вступающим в этот мир, принадлежащее ему естественное право, то о нас говорят будто мы хотим устроить конфискацию чужого имущества, и признают нас за нарушителей права собственности. Но на самом деле мы желаем утвердить истинное право собственности, положив конец краже. Личное рабство воплощало собой наихудшую форму кражи. Той системы, которая превращала в собственность человеческие существа, которая позволяла одному человеку продавать другого, отнимать у него плоды его труда, разлучать ребенка с матерью и преследовать собаками беглецов, — той системы рабства более не существует. Уничтожение ее было исполнением заповеди «Не укради»; однако остается другая форма рабства.

Мы продаем в настоящее время огромные количества американской земли английским лордам и капиталистам, которые создают на ней поместья, более крупные, чем в Великобритании или Ирландии. Мы продаем им землю, они — покупают. Но приходило ли вам когда в голову, что лично им земля эта, в сущности, не нужна? Они не пользуются ею и не предполагают когда-либо жить на ней. Не предполагают они, конечно, и переправлять ее к себе в Европу. Им нужна не земля. Им нужен лишь доход с нее. Они покупают ее не потому, что она может понадобиться им, а потому, что с ростом нашего народонаселения она понадобится американским гражданам. Те придут к ним со временем и будут просить этой земли. «Вы можете пользоваться ею, — скажут они, — но лишь на условии отдавать нам половину всего, что вы будете на ней производить». Мы продаем иностранцам, в сущности, не землю; мы продаем им труд американских граждан, продаем привилегию брать себе без возврата плоды труда наших детей.

Вот и здесь у нас, в Нью-Йорке, как это каждый знает из газет, земля с каждым днем все дорожает и дорожает. Джон Джонсон или Роберт Браун за один только год нажил состояние в сотню тысяч долларов в виде возросшей ценности его земли в Нью-Йорке. Что это значит? Это значит, что он приобрел власть брать себе на столько-то больше: одежды, сигар, вина, промышленных товаров, лошадей, экипажей, домов и еды. Он приобрел власть брать себе, как ему принадлежащее, на столько-то больше произведений человеческого труда. Но что же он делал? Он ничего не делал. Он проводил время в Европе, путешествовал по Востоку или посиживал себе дома, находя это более спокойным. Но если он ничего не делал, чтобы нажить себе огромную прибавку к своему доходу, то откуда же она должна была браться? Предметы, перечисленные нами, все до единого предоставляют из себя произведение человеческого труда — все они производятся какими-то людьми. И когда человек, который не трудится, будет брать себе эти предметы, то необходимо будут получать меньше, чем следовало бы, те люди, которые их производят.

Вот та система, против которой решило начать войну «Общество борьбы с бедностью», и оно зовет вас прийти к нему на помощь и пополнить ряды его бойцов. Это одно из самых славных дел, в каких только может участвовать человек. Чем должно казаться сравнительно с ним все прочее в нашей жизни? Одно и только одно известно нам

всем несомненно: что рано или поздно нас не станет. К чему же послужат нам те немногие годы, какие суждено нам провести на земле? Разве не будет лучшим, самым благородным употреблением нашей жизни — работа над тем, чтобы улучшить и сделать более счастливой жизнь людей, которые придут сюда после нас, — борьба с неправдой, просвещение общественного мнение и посильное участие в ниспровержении той проклятой системы, которая развращает и разоряет огромную массу людей?

Нам предстоит продолжительная и трудная борьба. Быть может — и это очень вероятно, — что многие из нас не доживут до победы. Но что же из этого? Вед и то особое счастье — быть участником этой борьбы. По своей сущности борьба эта есть лишь часть той великой мировой борьбы, которую во все времена вели все честные и добрые люди, и, принимая участие в ней, мы будем своими слабыми силами содействовать установлению царства Божие на земле, будем приближать жизненные условия грядущих поколений к тому идеалу, который должен осуществиться на небесах.